

**«А ЛЮБОВЬ СУПРУЖЕСКУЮ Я ЦЕНИЛ ДОРОЖЕ ВСЕГО В МИРЕ»:
ВОСПОМИНАНИЯ САМАРСКОГО КУПЦА ЕГОРА НИКИТИЧА АННАЕВА**

Статья посвящена воспоминаниям известного самарского купца и общественного деятеля XIX века Егора Никитича Аннаева, излагающим историю его детства, личного становления и первого брака с Марией Осиповной Зельцер. Воспоминания Е.Н. Аннаева служат ценным источником по истории эмоций и текстов поведения человека XIX в. Особенностью социального поведения Аннаева был комплекс парвеню, стремление подняться над своей социальной средой, при этом его духовный мир определялся романтическими установками, что выделяло Аннаева из среды самарского купечества.

Ключевые слова: Е.Н. Аннаев, купечество, Самара, воспоминания, история эмоций, персональная идентичность, стратегии поведения, романтическая модель поведения.

*Не уходи, побудь со мною,
Я так давно тебя люблю...
Русский романс*

реди уважаемого самарского купечества, среди выскочек и нуворишей, среди темных глубин крестьянской затаенности, вытолкнувшей на свет Божий, на самарские хлебные рынки воротил мукомольного и салотопенного производств, среди кичевых персонажей и старообрядческого благолепия – жил-был один. Он написал на склоне своей жизни такие пронзительные, такие душещипательные воспоминания, от которых чувствительные барышни, такие как автор этой статьи, рыдают в кружевные платочки, а интеллектуалы относят данный дискурс к романтической традиции, о которой не ведали и не подозревали прочие самарские Великие, так как самарские – и Великие, и обыкновенные – прагматичны и хищны, также как и их «всегда что-то озабоченно вынюхивающие» носы, воспетые публицистом местной газетки, Иегудиилом Хлаמידой, пролетарским писателем М. Горьким [9, с. 108].

В 1900 г. бывший самарский купец первой гильдии Егор Никитич Аннаев был причислен к мещанскому сословию [23, с.194]. Его дела пошатнулись уже давно – от введения государственной монополии на виноторговлю [23, с.194] или же, как писал другой известный самарский купец и краевед, К.П. Головкин, «от страсти Е.Н. вечно что-либо строить» [12, с.257]. За три года до утраты купеческого статуса, в 1897 г., Аннаев написал свои воспоминания. Ко времени создания мемуаров Егору Никитичу было 71 год, он уже 11 лет был вдовцом – в 1886 г. умерла его вторая жена Екатерина Павловна, родившая ему шестерых детей; дети уже выросли, младшему сыну от второго брака в 1897 г. исполнилось

* © Кобозева З.М., 2022

Кобозева Зоя Михайловна (zoia_kobozeva@mail.ru), доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

24 года [22, с.42]. К этому времени в топонимике города существовали «аннаевские» наименования: аннаевскими назывались дача, кумысолечебница, просека, затон, пески, овраг, гостиница [23, с.170]. Умирает самарский мещанин Е.Н. Аннаев в 1903 г. в возрасте 77 лет. А уже в 1914 г. в самарской газете в некрологе его сына, Владимира Егоровича Аннаева, будет написано: «происходил из знаменитой в свое время семьи» [7, с.3]. В 1920-е гг. аннаевская кумысолечебница, «предоставленная самой себе... стала расхищаться... и была окончательно разобрана и увезена... В 1923 г. от построек и сада не осталось и следа. Бродившие по обрывам козы окончательно сгладили поверхность, не оставив даже побегов акации» [12, с.258].

Егор Никитич Аннаев (1826 – 1903)

В городском пространстве осталась построенная купцом евангелическо-лютеранская кирха. У современных жителей города она не ассоциируется с Аннаевым, но в 1890 г., в день 25-летия открытия кирхи, немцы преподнесли ему адрес: «Егору Никитичу Аннаеву от навсегда благодарного евангелическо-лютеранского общества г. Самары» [22, с.42]. Сам же Аннаев изначально не предназначал это здание для лютеранской общины: он строил его как римско-католическую церковь, чтобы исполнить данный им обет [26, оп.1, д.31, л.12об]. Но после польского восстания 1863 г. стало невозможным открывать католический храм в Самаре, и Аннаев вынужден был подарить здание евангелическо-лютеранскому совету города.

Личность Е.Н. Аннаева достаточно хорошо известна в профессиональных кругах самарских историков, так как внук купца, композитор и краевед Н.П. Аннаев передал мемуары деда и свои исследования по истории семьи в областной архив, где сформирован личный фонд купца Аннаева [26]. Воспоминания Е.Н. Аннаева охватывают период его жизни с 1826 по 1853 гг.; купцом была написана история первого брака с Марией Осиповной Зельцер с приложением дневников жены, «Записок молодой женщины», а также переписанных его почерком писем М.О. Зельцер.

М.Л. Абрамсон в статье «Четыре истории, рассказанные флорентийскими купцами о самих себе» пишет: «Саморефлексия выделяет Морелли из массы людей, с которыми его роднит основная – прагматично-купеческая – сторона менталитета. Эти стороны настолько плохо согласуются между собой, что можно говорить об их противоборстве. Именно в результате такого противостояния и рождается личность» [1, с.303]. Это справедливо и в отношении Е.Н. Аннаева. Среди самарского купечества нет больше ни одного человека, который бы оставил такую эмоциональную летопись своей жизни, причем не только вербальную, отраженную в написанных им воспоминаниях, но и визуальную. Дело в том, что в личном фонде Аннаева хранится альбом фотографий «великих», с его точки зрения, людей, многочисленные фотографии тех архитектурных комплексов, которые он создавал, воплощая в них не представительский знак, а свой эстетический идеал, и картины, написанные его сыном, непрофессиональным художником.

Семейные фотографии, тщательно подписанные, оставляют только одно «белое пятно»: среди них нет фотографии женщины, чьи письма Аннаев тщательно переписывал в 71 год, добавляя между строк свои комментарии, как будто бы продолжая вести с ней страстный диалог, нет фотографии той, которая, ведя свои собственные дневниковые записи, обрывает их на сюжете о том, как она, юная и эмоциональная, дожидается парохода до Нижнего Новгорода: «...не знаю, как мы отсюда поплывем. Мы ждем

парохода, но его нет еще и никто не знает наверное когда он будет» [26, оп.1, д.29, л. 86]. От этого первого брака у Аннаева родился глухонемой ребенок, сын Эдуард. До 9 лет он жил в доме отца, потом его отправляют в специальную школу для глухонемых детей в Москве, где он умирает в возрасте 16 лет. О Марии Зельцер, первой жене Аннаева, после 1856 г. нет никаких сведений (он женился на ней в 1855 г.). В 1865 г. Аннаев женится вторым браком на дочери нижегородского помещика Е.П. Бабкиной, православной, о которой он не пишет в своих воспоминаниях, хотя именно Екатерина Павловна родила ему шестерых благополучных детей, записанных в православие.

Эмоциональный стиль воспоминаний Е.Н. Аннаева достоин того, чтобы они были опубликованы как художественное произведение. Однако общая инерция развития исторической науки привела к тому, что об Аннаеве написана практически одна биографическая статья, вошедшая в сборник «Самарское купечество». Причем о той женщине, любовь или нелюбовь которой продолжала мучить его в старости, страстная переписка с которой хранится в его фонде и которой посвящен интереснейший для анализа сюжет в воспоминаниях – написано в этой статье лишь несколько строк и поставлен «диагноз»: «в первые же месяцы замужества обнаружился неуравновешенный капризный характер и психическое нездоровье Марии Осиповны. . . Природа неровных отношений в семье отчасти становится понятной, если прочитать строки записок Марии Аннаевой... В них помимо фактического содержания обращает на себя внимание обилие восклицательных знаков. . . Если при этом вспомнить недавнее ее увлечение каким-то грузинским князем. . . , то можно представить себе, что шансов на счастливое супружество было немного» [23, с.189]. Забегая вперед, хочется заметить, что о грузинском князе Мария сообщала Аннаеву в состоянии нервного возбуждения, наступившего после замужества, в контексте других эпизодов, которые рисовало ее воображение или которые она придумывала сознательно.

Некая «табуированность» тем, связанных с эмоциональной жизнью людей прошлого, в исторической науке, и, в частности, невостребованность в этом отношении личного фонда Аннаева, в определенной степени напоминает историографическую ситуацию, описанную А.И. Куприяновым в отношении дневников московского купца П.В. Медведева. Так называемые «интимные источники» в основном создавались дворянским сословием. А.И. Куприянов пишет: «Тем ценнее для нас дневники П.В. Медведева – человека из иной социальной среды. “Рожденный в крестьянском быту”, московский мещанин, вышедший в московские купцы 3-й гильдии, он оставил интереснейшие дневники за 1854-1863 гг. “Памятная книга”, судя по записям в листе использования документа, хорошо известна историкам. Была она и предметом источниковедческого анализа, проведенного А.А. Преображенским. Однако информация, изредка извлекаемая из этого источника, использовалась лишь для исторических штудий по социально-политическим вопросам. Богатейшие данные, характеризующие его религиозно-нравственные переживания и всю сферу частной жизни, остались невостребованными» [13, с.88].

Для понимания императивов, определяющих действия провинциального купца в частной жизни, безусловно, следует исходить из того, что эта частная жизнь была «инкорпорирована в гражданское общество, его социально-политический и экономический строй» [3, с.8]. С другой стороны, не менее важный аспект – человеческая субъективность, ее эмоциональный склад и характерологические особенности [3, с.9]. Исходя из этого, задачей моего исследования является изучение содержания эмоциональных переживаний провинциала середины XIX в., принадлежащего к купеческому сословию, исповедовавшего католическую веру, проживавшего в Самаре и описавшего свою любовь в воспоминаниях. Солидаризируясь с этой позицией, мне видится

возможным рассмотрение истории любви Аннаева в качестве индивидуального переживания человека определенной эпохи, со свойственной только ему внутренней смутой, с пережитыми только им восторгами и разочарованиями, осмысленными и закрепленными в воспоминаниях.

М.Л. Гаспаров настаивает на необходимости «формализовать понятие индивидуальности», подразумевая в числе прочего, что «следует различать “исключительное явление”, наиболее полно выражающее характерные признаки своей эпохи и способное выступать “полномочными представителями” в истории культуры... и “исключительное явление”, наоборот, выпадающее из своей эпохи, – в таком случае оно обычно бывает или атавизмом предыдущей эпохи, или мутацией, предвещающей последующую эпоху» [8, с.21]. На мой взгляд, являясь и тем и другим, любовь в контексте исторического времени выступает еще и «мировоззренческой и деятельностной ориентацией на абсолютное – конкретное его “обживание” путем любовного бытия» [18, с.6]. В этой связи анализ исторического казуса выходит сразу на несколько уровней интерпретации: рассмотрение купеческой любви в контексте ее соответствия сословной матримониальной культуре, провинциальной среде, религиозному этосу, и, наконец, в качестве возможного, но не рассматриваемого в рамках данной статьи, сопоставления с литературными образами и текстами поведения.

Как отмечает А.Б. Каменский, частная и семейная жизнь людей прошлого в качестве серьезной научной проблемы давно завоевала права гражданства в исторической науке, но подавляющее большинство этих исследований посвящены европейскому Средневековью [11, с.271]. Работы же, основанные на русском материале, представлены преимущественно трудами Н.Л. Пушкаревой. Ее же перу принадлежат труды по изучению сексуальной сферы [16; 17]. Сексуальное поведение, сексуальные переживания человека середины XIX в., ограниченные «традиционными регуляторами обыденного существования – религия, мораль, право» [27, с.47], усугубленные «психологичностью», «ввинченностью мысли в душу человеческую» [20, с.80], требуют от исследователя в определенной степени навыков патогенетического исследования личности (т.е. исследования ее в пространстве психопатологии) [2, с.47]. Однако ряд исследователей, в частности, И.Л. Беленький, считают, что «никакое исследование творчества и деятельности по материалам патогенетического исследования личности... не может иметь объяснительной силы... это важно и в этическом (плане): этические презумпции персонологического и биографического слова запрещают подобные эвристики» [2, с.47].

В стратегии интерпретации источника сложнее всего определиться в отношении двух платформ персональной истории: «социальной» и «экзистенциальной» [19, с.12]. Биографию Аннаева интересно изучать и в контексте более широких вопросов изучения городской повседневности через личность горожанина, и в экзистенциальном плане, «подчеркивая “автономию и самоценность исторической личности”», ставя «в центр внимания изучение ее психологических характеристик и сознательно ограничивая “несоциальными” видами биографизма» [19, с.13]. В случае с Аннаевым характер источников позволяет глубоко заглянуть в его внутренний мир. Но встает другая исследовательская проблема: как анализировать «чужую одушевленность» [21, с.23]? Приходится, вслед за М.Ф. Румянцевой, признать принцип, сформулированный А.С. Лаппо-Данилевским: «исследователь может лишь гипотетически конструировать “чужое Я” по внешним обнаружениям его духовной жизни, по объективированным результатам его психической деятельности. При этом исследователь исходит из собственной индивидуальности, из собственного исследовательского и жизненного опыта и использует для воспроизведения в себе “чужого я” переживание, ассоциирование и заключение по аналогии» [21, с.30].

Основной период активной общественной деятельности Аннаева в границах самарского пространства приходится на вторую половину XIX века; его воспоминания начинаются с детства, с 1826 г. Его сословное происхождение точно не известно, в воспоминаниях сказано, что дед Аннаева был немец, соляной пристав из Астрахани. Не имеющий образования сирота поднимается по иерархической лестнице до купца первой гильдии, а в конце жизни оказывается в мещанстве. Т. Венедиктова, раскрывая «секрет срединного мира» эпохи реализма, отмечает факт появления на культурной сцене человека «среднего класса»; этот класс, «вбирая как амбициозный низ, так и склонный к компромиссу верх общества... отличается от прежних сословий тем, что в него можно пробиться, но из него можно и выпасть (между тем как аристократом или земледельцем человек, за редкими исключениями, рождался и умирал). В новом, пост-традиционном типе общества именно середина выступает средоточием динамики. Единица среднего класса – “self made man”, человек-самоделка, человек-выскачка, чей девиз – “Преуспеть, пробиться!” (“Parvenir!” – в духе бальзаковского Растиньяка). Никто, ничей, ниоткуда, – он определяет себя не через принадлежность к общине или культурной традиции (чему-то большему, глубже укорененному исторически, чем он сам), но исключительно через индивидуальную деятельность и ее результаты» [6, с.195].

Но если особенностью социального поведения Аннаева был комплекс парвеню, роднящий его с героями реализма, то его духовный мир определялся романтической установкой на идеал. «“Романтизм” – термин, обозначающий не столько исторический период или конкретное художественное течение, сколько совокупность характеров, подходов и чувств, своеобразие которых заключается в их специфической природе» [10, с.299]. Красота романтической любви – «это Красота трагическая, перед которой герой безоружен и беззащитен» [10, с.304], «романтический человек переживает собственную жизнь как роман, находясь во власти чувств, противиться которым он не в силах» [10, с.314].

Одно событие оказало на Аннаева мощное определяющее воздействие. К сожалению, чтобы выделить данный сюжет, приходится нарушить хронологию судьбы нашего героя и обратиться к периоду, когда вышедшая замуж за купца из Симбирска старшая сестра взяла мальчика-сироту к себе. Так как ее муж был намного старше, «сестра считала его скорей своим отцом, а не мужем» [26, оп.1, д.29, л.5об], она боялась поселить своего брата в доме и отправила «в подвал под наблюдение прикащика полуграмотного Мирона» (везде сохранена орфография источника) [26, оп.1, д.29, л.5об]. Однако выпросила у мужа разрешение, чтобы брат приходил в дом на час для занятий с ней, чтобы выучить его грамоте. Но эти занятия длились недолго, и, как пишет Е.Н. Аннаев, он «с помощью Мирона выучился кое-как по складам читать, вот и все мое образование» [26, оп.1, д.29, л.6]. В 1840 г. приехала в Симбирск погостить другая старшая сестра. «Раз как-то случайно незамечая моего присутствия за дверью, они беседовали между собой... и между прочим выразили сердечное сожаление что между ими четырьмя сестрами только один брат и тот дурак» [26, оп.1, д.29, л.6об]. Такой отзыв произвел на Егора сильнейшее впечатление, причем он не был оскорблен: «я понял их глубокую скорбь обо мне и что они не в силах помочь мне! До этой минуты я никогда не думал о себе, не наблюдал за собой, тут я как бы очнулся... и убеждался, что да действительно я “дурак”, нужно собой заняться» [26, оп.1, д.29, л.6об]. В 71 год Аннаев пишет: «Отзыв сестер моих принес мне неоцененную пользу во всю мою жизнь» [26, оп.1, д.29, л.6об]. Егор стал читать Азбуку, причем больше всего в ней «любил картины», «с них я начал срисовывать карандашом» [26, оп.1, д.29, л.6об].

Муж сестры, И.И. Макке, был преуспевающим купцом; он открыл в 1817 г. один из лучших в Симбирске магазинов бакалейных и колониальных товаров, место, где стоял

его дом, называли Маккиной горой, от нее шел Маккин спуск [22, с.8]. Однажды у Макке появилась идея пригласить живописца, чтобы написать на стене каретника в саду напротив дома «декорационную картину», на которой была бы изображена колоннада. Если тексты поведения Егора Аннаева во многом отражают модель романтического направления, то в случае Макке прочитывается апелляция ко вкусам стиля бидермайер, который можно определить как «романтизм, никогда не отрывающийся от земли. . . Господин Бидермайер грезит о жизни в старинном замке, и поэтому комнатки его городской квартиры расположены анфиладой. . . он умеет считать деньги и потому хочет, чтобы все обошлось подешевле» [24, с.198]...

Под впечатлением работ живописца Егор начинает сам пробовать писать картины, но, как он пишет в своих воспоминаниях, все они сгорели в пожаре Симбирска в 1864 г. Страсть к пению появилась у него в результате знакомства с приезжими итальянцами. Душа разрывалась от эстетической невыраженности, но выразить ее он не мог, поскольку, как он сам писал о себе, «мне было 20 лет, но умственное развитие было в упорном застое, хотя я следил за собой» [26, оп.1, д.29, л.7об]. Под выражением «следил за собой» понималось то, что Аннаев тщательно прислушивался к тому, за что его ругают или хвалят окружающие, и старался развивать те черты, которые вызывали положительную реакцию, «строго придерживался ко всему хорошему. . . но что я мог слушать полезного в этом обществе в котором я находился?.. Одни только глумления и пошлые остроты. . . » [26, оп.1, д.29, л.7об]. Единственным приятным для него человеком был надзиратель классической гимназии И.А. Безногов. Однажды Егор обратился к нему за советом, где бы купить книгу. Безногов поинтересовался, «что именно я желаю извлечь из этой книги?» [26, оп.1, д.29, л.7об]. Егор ответил, что он очень плохо говорит, и хотел бы научиться так же красиво излагать свои мысли, как и Безногов. «Он был тронут моим желанием, поцеловал меня и сказал милый друг мой для того чтобы говорить хорошо надо прочитать несколько возов книг!» [26, оп.1, д.29, л.7об]. После этого Егор дал себе слово прочитать «несколько возов» книг, «а есть ли неисполню этого то я буду Анафима проклят» [26, оп.1, д.29, л.8].

Первое произведение, которое решил прочитать Егор, был исторический роман о крестовых походах «Мелик Адель и Матильда». Выбор пал на него, так как когда сестра Екатерина читала этот роман, то плакала. Чтение заняло два месяца. Вначале Егор «решительно ничего не понимал», «скука смертная», «одолевает сон». Чтобы «пробуждать себя», он всегда держал около себя жимолостную трость, которой «бичевал себя довольно чувствительно». После бичевания Егор продолжал читать далее, «незаботясь о том, чтобы понимать что-нибудь, а лишь бы продолжать процесс чтения из страха не быть проклятым» [26, оп.1, д.29, л.8]. Вторую часть он уже читал свободнее, «даже стала вязаться мысль», третья книга заинтересовала, «к концу где приходилось плакать я жалел что скоро кончу» [26, оп.1, д.29, л.8].

Первый опыт чтения исторических романов привил Аннаеву страсть к изучению жизни великих личностей, чьи портреты, собранные им и подписанные, хранятся в его личном архивном фонде и, как мне кажется, могут послужить источниковой базой по изучению проблемы исторической памяти горожан середины XIX в., особенно заметки Аннаева в отношении Наполеона. К 1848 г., пишет Аннаев, он не прочитал еще «воза книг», так как вынужден был постоянно отвлекаться на различные хозяйственные дела, связанные с другой стороной его личности, с необходимостью подняться над статусом приживала и занять достойное место в жизни.

Таким образом, данная точка бифуркации в жизни Аннаева определяет его модель поведения, сознательно им выстраиваемую и закрепленную в старости

автобиографическим текстом как романтическую, со свойственной ей «литературностью», «увеличением роли жестов в бытовом поведении», и «осознанием себя как исторического лица» [14, с.337-338]. Данное осознание подчеркивается ролью автобиографических воспоминаний, когда «в оценку собственной реальной жизни» вмешивается «взгляд со стороны – с точки зрения потомства. Потомок – зритель и судья того, что великие люди разыгрывают на арене истории» [14, с.338]. Воспоминания Аннаева предстают как «коммуникация между социумом и индивидом» [25, с.12], индивидом и Богом, индивидом и судьбой. Семиотические наблюдения о том, как культурно-историческая эпоха формирует тексты поведения, является объяснительной моделью многих стратегий повседневного поведения, описанных Аннаевым, с которыми связано его конструирование персональной идентичности. Но данный подход не является исчерпывающим. В основе социального взаимодействия личности с окружающим ее пространством лежат и законы социальной интеракции, провоцирующие акторов (а в данном случае – Егора Аннаева) становиться действующими лицами истории, хотя их роль не главная, и они «не могут быть формально причислены к выдающимся историческим деятелям» [19, с.8].

Егор Аннаев родился в Астрахани 11 апреля 1826 г. Дед его был немец, русский подданный Христофор Фабрициус, соляной пристав. Бабушка – полька. Мать, Мария Христофоровна, была выдана замуж за армянина католического вероисповедания Никиту Ивановича Аннаева. Следует отметить, что Астрахань в XIX в. была самым полиэтничным городом в Поволжье. Армянская община города была довольно многочисленна, при этом Астрахань была центром Армяно-грегорианской церкви. Кроме того, в городе проживало много католиков и протестантов, выходцев из различных земель Германии [15, с.200]. Мать Аннаева умерла вскоре после его рождения, отец умер от холеры в 1830 г. Пять детей, «4 девочки (Елизавета, 12 лет, Екатерина, 10, Любовь, 8, Анна, 6, и мужчина моложе их всех», остались на попечении деда, который «кое-как нас продовольствовал» [26, оп.1, д.29, л.1]. Но в 1833 г. умирает и дед: «Я помню на похоронах на гробовой крышке была прикреплена треуголка» с пряжкой, «полученной за беспорочную 35-летнюю службу» [26, оп.1, д.29, л.1]. Старшая сестра Елизавета вышла замуж за бедного колониста, мастерового Ольденбурга, сестру Екатерину взяла к себе в Москву ее крестная мать, Мария Андреевна Сабонжогло, Любовь и Анну взяли «добрые люди». В 1835 г. Елизавета с мужем решили переселиться в Саратов и взяли с собой двух младших сестер. Егор, которому было 9 лет, остался в Астрахани один.

В старости Егор Никитич отчетливо помнил этот день, когда он остался совершенно одинок и начались годы его страданий «в чужих людях», дальних родственниках, которым он был отдан обучаться портняжному мастерству. Все имущество сестры было сложено на дощаник, мальчика оставили на какое-то время с Анной караулить пожитки. Дети разыгрались, и Егор нечаянно ушиб Анну, она пригрозила пожаловаться сестре, но тут же сама разбила одно яйцо, тогда Егор в свою очередь пригрозил, что пожалуется, и дети помирились [26, оп.1, д.29, л.1об]. Мне кажется очень важным описание этой сцены, оно в определенной степени подчеркивает пронзительное одиночество, которое наступает для Егора далее: «было уже за полдень, когда Елизавета с мужем... привезли последние пожитки и уложили их на дощаник, затем поставили самовар, на закате солнца попил я прощальный чай с тремя сестрами и затем они все поплыли в Саратов, а я один остался в Астрахани, с невыразимой грустью побрел я к своим хозяевам, было уже почти темно, а идти с Волги довольно далеко, не мало я путал пока с трудом отыскал свое жительство, где суждено было мне два года перенести тяжких истязаний и различных пыток...» [26, оп.1, д.29, л.2].

В 1837 г. жителей Астрахани поразил, как они говорили, некий «английский лорд», разъезжающий по городу в карете. На самом деле это был итальянец Мессера, которого отправил в Астрахань, по просьбе своей жены Екатерины, симбирский купец И.И. Макке на поиски ее брата Егора. С помощью католического священника Егора нашли и отправили в Симбирск вместе с Осипом Ивановичем Айвазовым. «Я начал оживать проблеск надежды на лучшую жизнь стал меня утешать, что Господь послал мне Ангела-покровителя в лице моей сестры Екатерины» [26, оп.1, д.29, л.2об].

Впечатления мальчика от путешествия с армянскими купцами вверх по Волге на татарских арбах, описанные в воспоминаниях Аннаева, заслуживают отдельного самостоятельного исследования. Все свидетельствует о необыкновенно поэтичной натуре этого человека, лишней раз доказывая, что при написании биографических исследований, помимо анализа влияния на личность исторических героев «социально-исторической памяти, запечатленной в культуре» [19, с.13], очень важен экзистенциальный подход, подчеркивающий автономию личностно-психологического аспекта [19, с.13]. Аннаев пишет: «С жадностью я обозревал необъятное пространство степей, горизонт, где как будто небо опирается в землю. Мне казалось, что вот-вот мы доедем до этого края земли и упремся в небесный свод» [26, оп.1, д.29, л.3]. Трудно удержаться от соблазна описать впечатления Аннаева от привалов, от общения с немцами-колонистами и т.д. От Астрахани до Саратова, как вспоминал он, ехали 22 дня, «путешествие это оставило во мне самое приятное воспоминание, это было ежедневной волшебной партии де плизир» (с франц. *partie de plaisir* – увеселительная прогулка. – Прим. ред.) [26, оп.1, д.29, л.4]. Из Саратова уже на русских извозчиках поехали в Нижний Новгород. Если татары останавливались на привал в степи, то русские извозчики – в деревнях. Если с татарами ели плов, мясо, приготовленное на костре, то с русскими – «щи да каша, с приправою мух и тараканов», «... в избах мухи да тараканы. На дворе навоз свиньи да бараны, и грязные сопливые мальчишки, я всегда старался избегать их где было возможно уходил в поле... деревенские мальчишки толпами отправлялись за мной брали в обе руки углы своих кафтанов приставляли их к своим ушам с шумом кривлялись предо мной... что мне казалось странным. Я их не трогал и очень боялся» [26, оп.1, д.29, л.4об]. В Нижнем Новгороде Егора показали Макке, мальчик купцу не понравился, и его отправили в Симбирск на судне Ситникова, причем столоваться Егор должен был с бурлаками.

В Симбирске Егора поселили в «молодцовской» комнате вместе с приказчиком Мироном и приспособили прислуживать в винном подвале. Обедал Егор вместе с кучером и дворником. Егор понимал, что единственный для него путь выбиться в люди – это понравиться Макке. Для этого он выстроил в саду оранжерею с двумя террасами, которая очень понравилась Макке, написал семейный портрет. В 1848 г. неожиданно после недолгой болезни умирает Екатерина, и, как пишет Аннаев, «мое счастье, казалось, было зарыто с ней в могилу». Макке всегда держал Егора на определенном расстоянии, и в ситуации после смерти Екатерины положение юноши было особенно неопределенно. Но тут приходит сообщение из Самары о смерти от холеры тамошнего приказчика Климентия Фроловича, прослужившего у Макке 16 лет. Решили отправить в Самару Мирона, но тот отказался из-за страха перед эпидемией холеры, бушевавшей в Самаре. Тогда вызвался поехать Егор. Макке ничего не оставалось, как отпустить его.

С этого момента начинается своего рода карьерный рост Е.Н. Аннаева. Прибыв в Самару, Аннаев должен был сделать опись имущества и товара, завести учетные книги. Удивительный факт, но к Егору стали приходиться горожане, бравшие у Климентия деньги в долг без расписки, – было возвращено около четырех тысяч серебром. В старости об этом эпизоде Аннаев напишет: «Да, это было счастливое время: дела велись

патриархально, и люди имели больше совести. Но начинался поворот к цивилизации» [26, оп.1, д.29]. В 1849 г. Макке женился вновь, в 1850 г. Аннаев становится приказчиком Макке в Самаре. Применительно к этому периоду времени в воспоминаниях Аннаева описан один из страшных самарских пожаров, когда из-за суховея выгорел практически весь город, а люди, гонимые огненной стихией, спасались в реке. Аннаев не только контролировал торговлю Макке в Самаре, но и занимался строительством его дома, где 1 января 1851 г. было торжественно объявлено об учреждении Самарской губернии. В 1851 г. Макке передает свою самарскую торговлю Аннаеву. В 1852 г. Аннаев становится самарским купцом. На следующий год он открывает собственную торговлю, в 1854 г. начинает строить дом на Алексеевской площади в Самаре и надумывает жениться.

«Когда обдумал я жениться единственное желание мое было съискать себе в подруги моей жизни женщину кроткою с образованием и одной со мной религией благочестивою католичку дабы царствовала в моей семейной жизни тишина согласие и благодать Божия» [26, оп.1, д.29, л.28], «я далек был от корыстолюбивых расчетов... искал себе бедную девицу для того, чтобы осчастливит ея имея ввиду, взаимно за сие получить от ея любовь... а любовь супружескую я ценил дороже всего в мире» [26, оп.1, д.29, л.28]. Анализу полового поведения, которое, по мнению Ю.Э. Бессмерного, оставалось в «центре эмоциональной жизни, выступало "как предмет напряженнейшей рефлексии"» [4, с.574], в своем исследовании я не отвожу должного места, может быть, отчасти ведомая общим колером источника, отчасти солидаризируясь с Т.В. Бреус, которая в диссертационном исследовании «Любовь как вид бытия» исходит из того, что «в личной, семейной жизни для человека важнее всего взаимоотношения, связанные с ценностями духовного порядка» [5, с.6]. «Начертав себе такие правила в отыскании друга я собрался ехать в Москву...» [26, оп.1, д.29, л.28]. 24 декабря 1854 г. Е.Н. Аннаев «помчался на тройке удалой» за своей избранницей. Невесту подыскала М.А. Сабонжогло, обрисовав заочно ее как «миленькую девицу хорошо воспитанную, тихую, скромную, хорошего семейства и одной со мной [Е. Н. Аннаевым] религией» [26, оп.1, д.29, л.28об].

Спустя 40 лет после описываемых событий Аннаев будет искать дурные предзнаменования, которые должны бы были повлиять на него: когда он только в первый раз выехал из дома за невестой, его «разбили лошади», так что он «каким-то чудом спасся», а экипаж «привезен был весь разбит», «этот случай заставил меня призадуматься какая же грустная мысль меня удерживала оставить мое намерение». Тем не менее Аннаев все же уезжает в Москву. Во время первого визита к невесте жениху не понравилась ее мать: «видал ее мать которая мне вовсе что-то не понравилась, не выдав еще невесты не хотел входить в родство с сим семейством но Мария Андреевна призвала их к себе где я увидал в первой мою Марию» [26, оп.1, д.29, л.28об-29]. «Она мне очень понравилась наружностью и скромностью, а не развязанности ея, я приписывал ея ропкости...» [26, оп.1, д.29, л.29]. Невеста была холодна и не обратила на провинциала никакого внимания. Но Аннаев, твердо вознамерившийся жениться, подумал, что «когда привыкнем к друг другу всегда найдется полюбезничать» [26, оп.1, д.29, л.29]. После этого он начинает часто посещать семью М.О. Зельцер, делать подарки. Мария же принимала их с «хладнокровностью и равнодушием». Аннаев приписывал подобную холодность «ея неразвязанности», хотя и казалось ему это несколько странным.

6 февраля 1855 г. состоялся «брачный союз». С этого момента Мария выходит из состояния сдержанного равнодушия и впадает в перманентную истерию. «Мне передали она ужасно плакала в то время как ей ехать в церковь и отец ея всячески уговаривал» [26, оп.1, д.29, л.29об]. Как отмечает в своих исследованиях Н.Л. Пушкарева, «девочек и

юных девушек, выдававшихся замуж, держали в неведении обо всем, что касалось чувственности. Неудивительно, что неопытность, усугубленная незнанием и ханжеством, часто оборачивалась тяжелейшими психологическими ломками» [16, с.94]. С другой стороны, можно предположить, что Марии просто не понравился провинциальный купец, но так как ее семья, не имея приданого за дочерью, рада была и этой партии, Марии пришлось подчиниться воле родителей: «...В особенности мне очень понравилось, что он был такой тихий и скромный молодой человек! Но я сожалела, он вовсе не образован! И не умеет как должно говорить по русски! А другие языки! вовсе не знает! Ни на немецком, ни на французском ни одного слова! И не умеет танцевать! кроме одной кадрили. Я видела в нем богатого мужика и больше ничего! Но я была рада, что он имеет доброе сердце, потому что берет бедную девушку без всякого приданного...» [26, оп.1, д.29, л.61об]. Е.Н. Аннаев вспоминает: «Я ее встретил в церкви улыбающийся как бы восторженною, окружающим ее блеском и пением певчих и во все время свершение сего таинства венчания она улыбалась так что после священник сказал ей что он желал бы чтобы она всегда так улыбалась в своей супружеской жизни как теперь перед алтарем Божиим и во всей этот вечер она была так весела так мила что я любовался и утешался ее любезностию и считал себя счастливым в свете» [26, оп.1, д.29, л.29]. Когда проводили всех гостей, молодые пошли в спальню. Они встали на колени помолиться Богу, но вдруг Мария вскочила и бросилась на постель. Егор Никитич подбежал к ней, положил руку на грудь, «в эту минуту сердце ее так билось что как будто шар с лебединое яйцо метался под ее кожей и хотел вырваться из ее левого боку» [26, оп.1, д.29, л.29об]. Мария попросила стакан воды. Он подал ей его и спросил: «Что с тобой, мой Ангел?» [26, оп.1, д.29, л.30]. В этом месте впервые в воспоминаниях появляется подобное обращение к жене и сохраняется в различных интерпретациях до конца записей.

Чем ближе был день отъезда из Москвы, тем грустнее становилась Мария. Она просила мужа взять в Самару с собой сестру, но Аннаев не позволил. «Я часто заставлял ее в слезах: на вопрос мой от чего она так грустит она отвечала мне что она некаменная что расстается с родителями на всю жизнь так как же ей не плакать». В день отъезда, 19 февраля, Мария «была совершенно без памяти некого не узнавала и говорила без всякой мысли и без связи» [26, оп.1, д.29, л.30об]. Отец и мать, провожавшие молодых, предупредили, чтобы Аннаев был с Марией «поосторожнее ибо она слаба нервами» [26, оп.1, д.29, л.30об]. Так впервые в контекст данного источника входит тема нервного расстройства Марии Зельцер, подтвержденного впоследствии диагнозом врача: «истерия». Но следует ли рассматривать «истирию» как психическое отклонение – один из главных вопросов данного исследования, на который в дальнейшем я постараюсь ответить. Отец с трудом посадил дочь в возок, захлопнул двери и сказал ямщику, чтобы тот трогался. Аннаев пишет: «Я не успел даже совсем проститься как тройка удалая помчала нас. Ночь была светлая скрип саней по ледяному снегу наводил еще больше тоску!». В других местах воспоминаний, в переписке его с Марией встречаются отрывки из романсов («И скучно, и грустно...»), что лишний раз подтверждает особый склад души провинциального купца, склонной к романтическому восприятию любовных переживаний.

Дорога из Москвы в Самару через Симбирск длилась почти два месяца, прибыли молодые только 14 апреля. Путь домой делится на два этапа: сначала до Симбирска, а затем пребывание в Симбирске в доме И. Макке в ожидании ледохода на Волге и возможности перебраться на левый берег реки. «Мария моя лежала без памяти я оправил ее покрывалом хорошенько старался чем нибудь ее развлечь но не получал никакого ответа», – описывал Аннаев начало пути. Причем, размышляя о происходящем, он сочувствовал своей жене («оставление колыбели ее Москвы! Расставание с родными!

Неизвестность будущего!») и принял решение относиться к ней по-отечески, как к ребенку. Доехав до Нижнего Новгорода, Аннаев пригласил к Марии доктора, тот дал ей «микстуру вроде миндального молока» [26, оп.1, д.29, л.31]. Купец хотел остаться в Новгороде, чтобы жена пришла в чувство, но Мария решила ехать скорее дальше. И с этого момента в замкнутом пространстве их кибитки Мария начала рассказывать мужу удивительные вещи, которые могли бы вогнать в душевную сумятицу любого, но не каждый смог бы проникнуться ее душевным смятением и воспринимать все так смиренно и заботливо, как Е.Н. Аннаев.

Вначале Мария сообщила ему, что в Нижнем, когда Аннаев оставил ее одну в гостиничном номере, она прилегла на диван, «не спала, не смыкала глаз а видела Ангела с белокурыми кудрями с белой Лилию в руках который все над ней летал и хотел ее поцеловать и она ему все не давалась он вдруг разлетелся и поцеловал ее так что она вскрикнула но для нее это так было приятно и она в эту минуту чувствовала в себе необъятную радость и тем разъясняла мне что она в эту минуту почувствовала свою беременность!» [26, оп.1, д.29, л.31]. Рассказывая мужу, Мария часто прятала лицо в воротник салопы, «делала странные гримасы которые впрочем обозначали ее удовольствие», после чего сообщила, что Ангел снова здесь и хочет ее поцеловать. Аннаев пишет: «я только удивлялся ее видению и не постигал что с ней делается!» [26, оп.1, д.29, л.31об]. Дальше становилось хуже: Мария «пришла в изнеможение» и стала «ужасно жаловаться, что младенец очень больно сосет ее сердце». Дорога была плохая, с ухабами. Мария боялась потерять ребенка и говорила, что «он ручками держится за ее сердце». С этого момента и до конца воспоминаний о первом браке между супругами начинает муссироваться вопрос: «Любишь ли ты меня?» Первой его поднимает в дороге Мария. Затем он до бесконечности повторяется в их переписке. На одном из ухабов дороги «моя Мари взвизгнула и минут пять была без памяти когда она пришла в себя несколько, я спросил что с тобой мой Ангел она приподнялась и сказала Ах! Как я себя теперь легко чувствую теперь не сосет мне сердце Я слышала когда мы упали в ухабу у меня от сердца что то оторвалось и так быстро опустилось на низ желудка! Теперь я совершенно здорова!» [26, оп.1, д.29, л.32]. Далее некоторую часть пути Мария была весела и разговорчива. Потом вдруг залилась слезами по поводу того, что потеряла ребенка: «Я потеряла ребенка моего херувимчика. Теперь уже не летает ангел надо мной». Доехав до Талызинской станции, они остановились попить чаю, и Мария снова была «весела, здорова, покойна». «Проскочив во всю мочь» «по дурной дороге 120 верст», Мария вновь объявила, что сердце у нее сосет и ангел белокурый опять летает над ней.

Так длилось до самого Симбирска, куда молодые прибыли 26 февраля. Их встретило семейство Макке. Мария вела себя хорошо: спустилась пить со всеми чай, поднявшись к себе наверх, начала стирать пыль. Аннаев был в восторге: «Я целовал ее ручки и благодарил за такую аккуратность» [26, оп.1, д.29, л.33]. Мария сказала, что ей необходимо отдохнуть, и он спустился вниз. Аннаев отсутствовал час. Когда же он поднялся наверх к своей жене, увидел, что «она сидит на кровати с поджатыми под себя ногами в руках французский молитвенник в котором она все загибала листы лицо ее было искажено. Глаза пусты и устремлены неподвижно в стену, она очень часто лепетала языком но нельзя было ничего понять; она ломала себе руки коверкала пальцы изредка можно было слышать из ее шепота слова Господи! Господи!» [26, оп.1, д.29, л.34]. Аннаев долго стоял возле нее, взял за руки, спросил: «Что с тобой, мой дружочек?», и с трудом получил ответ, что Мария скучает по папеньке и хочет ехать к нему. Дальше ее бред стал бессвязным. Аннаев вынужден был сообщить о нездоровье жены Макке и вызвать доктора Мозалевского и бабку. С доктором Мария вынуждена была разговаривать, он показался ей грубым. Доктор

выписал ей успокоительные капли и поставил диагноз: истерия. Приглашенная бабка заявила, что Мария беременна, во время дороги произошло опущение матки, так как она не была «взбинтована», «поправила» Марии живот. Бабкин диагноз о беременности оказался неверным, так как «через два дня оказались у нее регулы», но и после этого бабка уверяла, что Мария беременна и 2 недели ходила и «правила живот» [26, оп.1, д.29, л.34].

В воспоминаниях сам Егор Никитич также ставит диагноз своей жене: «а больна она была истерической хандрой», «столько переговорила странностей нельзя описать...»: видела Бога на небесах, ад и рай, ангела с золотой корзиной, в которой были французские цветы и младенец, которого она потеряла. Когда окружающим стало казаться, что Мария выздоровела, она, увидев портрет князя Орбелиани, схватила его, начала целовать, прижимать к телу и поведала мужу историю о том, что 5 лет назад на балу у генерала Ермолова познакомилась с князем. Они много танцевали. Князь полюбил ее, предложил руку и сердце. Папенька и маменька были счастливы. Шли приготовления к свадьбе. Но на исповеди она сказала священнику, что собирается замуж за грузина. Священник не дал разрешения на этот брак. Мария вынуждена была отказать грузинскому князю. От горя тот упал в обморок, а потом принял решение искать смерти на войне [26, оп.1, д.29, л.35об-36]. Аннаев отреагировал на этот рассказ следующим образом: «Но я понимал, что это чистая ложь и хитрая выдумка может быть даже с дурным намерением», причем он не видит уже в поведении жены никакого нервного расстройства, отмечая, что «она была ужасно капризного характера никогда не согласовалась с моим мнением и постоянно противилась моим желаниям» [26, оп.1, д.29, л.36об]. Но ничего не изменилось в поведении Аннаева по отношению к жене: «Я всегда с обычной лаской старался удерживать ее от пустых ничем несообразных капризов и считал сие за обязанность христианского долга но я не достигал странности что все мои доводы были принимаемы в привратном виде теперь открывается мне... что у ней и тогда было все перевернуто в голове чего я тогда не подозревал и думал все что прошло совершенно что было в дороге» [26, оп.1, д.29, л.36об]. Постепенно все стало забываться, пишет автор, «мы привыкли к друг другу».

Далее следует описание нового этапа во взаимоотношениях супругов, вызванного переездом в Самару родителей Марии, поездкой за ними в Москву и перепиской, которая неизменно начиналась словами «милый друг мой Мария» и «милый мой дружок Жорж», а заканчивалась фразами «даю тебе клятвенное обещание что никогда никогда не увидишь более мой миленький дружок никаких капризов и я всегда тебя любила так и теперь люблю еще больше и вечно буду тебя любить и уважать и почитать. Целую твои милые глазки и ручки твои. Верная и любящая жена Мария Аннаева» [26, оп.1, д.29, л.45], «и я также чувствую также нежно люблю как и ты Мария но что делать нужно иметь твердость характера переносить все испытания. И утешить тебя моя бесценную Марию. Целую тебя нещетно раз вечный друг и муж твой Е. Аннаев» [26, оп.1, д.29, л.46об-47].

Прежде чем забеременеть по-настоящему, Мария постоянно уверяла Егора Никитича в том, что беременна. Как бы ни наполняла она жизнь мужа сотканной ее сознанием «событийностью», прагматизм личности Марии проявился в том, что она перевезла всю свою семью в Самару и устроила отца и брата в «бизнес» мужа. Тем не менее, напросившись ехать вместе с мужем на ярмарку в Нижний Новгород, нарушив ему все планы по срокам (так как потребовалось ехать на пароходе, а из-за мелководья пароход шел очень медленно), она познакомилась со студентом, с которым проводила в беседах все время. Аннаев очень переживал, что опаздывает на ярмарку. Мария начала его спроваживать, чтобы он поехал сушей, но получилось так, что на берег вместо Аннаева сошел студент. «Моя Мария с грустью и необыкновенным волнением долго смотрела в ту сторону, куда он поехал и

долго не сводила глаз с этого места», «тяжкие вздохи ея возбудили во мне ревность» [26, оп.1, д.29, л.38об]. Мария призналась мужу, что влюбилась в студента, на что Егор Никитич «дал ей несколько религиозных наставлений», в воспоминаниях отметив, что его этот поступок «огорчил».

Во время пребывания супругов в Москве между ними произошла ссора из-за того, что Мария не дождалась Аннаева на улице, чтобы смотреть выезд императора из Троице-Сергиевой лавры. В этом месте воспоминаний Аннаев, впервые «доведенный до крайности», «позволил себе высказать несколько упреков», «просто назвал неблагодарной». В ответ Мария сообщила, что испытывает к нему отвращение (после полугодия супружеской жизни). Аннаев возвращается в Самару, оставив жену в Москве, но уже из Симбирска отправляет ей полное любви послание, в котором с болью пишет, что отвратителен ей: «это было сказано так сильно, что заставило меня задуматься, ужели я в самом деле такой варвар, злодей такой несносный... и это от того, кого я навечно избрал себе в подруги!.. ужели я так жестоко наказан провидением!.. Может быть я еще не заслужил твоей искренней любви потому что я человек необразованный и не умею выражать своих искренних чувств... как львы нонешнего света беспрестанно рассыпаются в комплиментах и умеют обворожить нежный пол... но, когда я обвинил тебя в неблагодарности, я тут оскорбил тебя, прости меня, милая Мария... я уверен, что ты оставишь свои капризы и будешь моя миленькая ненаглядная Машечка» [26, оп.1, д.29, л.40]. Не могу не привести текст ответного письма из Москвы в Самару, которое так точно характеризует Марию Осиповну: «Миленький мой дружок Жорж твое письмо... я получила и ты не можешь себе вообразить я не могу тебе описать моей радости когда я просто схватила его обеими руками. Я очень верю тебе и знаю, что ты меня искренне любишь. Но ты ошибаешься, думая, что я чувствую к тебе отвращение... Ты понимаешь все мои слова с превратным смыслом. Я сказала (и сестрицы это помнят): “Я тебя прежде очень-очень любила и теперь люблю, но если ты меня всегда будешь бранить такими словами, то я тебя буду ненавидеть...”» [26, оп.1, д.29, л.42].

Большую часть писем жены Аннаев не только переписал, но и снабдил своего рода «сносками», обозначенными *, в которых излагал свою версию эмоционального переживания ссор с женой. На расстоянии Мария все силы прикладывала, чтобы поддерживать в муже любовный пыл, отправляя ему письма с просьбой приехать к ней в Москву, спекулируя беременностью и здоровьем. В ответных письмах Егор Никитич писал, что без нее переживает «минуты ужаснейшей тоски и отчаяния», и если бы у него действительно была уверенность, что при встрече все не повторится вновь, то есть Мария не начнет «капризничать», то он оставит все дела: «закрою на некоторое время всю торговлю, какие бы последствия этого не были, и я приду, чтобы только утешить тебя, мою бесценную Марию. Целую тебя несчетно раз. Вечный друг и муж твой. Егор Аннаев» [26, оп.1, д.29, л.46-47]. Отец Марии, который был введен Аннаевым в бизнес, написал суровое письмо дочери, в котором грозился, что если она будет отвлекать мужа от купеческих дел, их всех посадят в долговую яму. Мария тут же написала в Самару, что бросать все и приезжать к ней в Москву не надо, так как она боится долгой ямы, письмо же начиналось еще более ласково: «Мой миленькой сладенькой Жоржик... Я тебе все простила». В конце концов Аннаев приезжает к ней в Москву, так как ожидаются роды – но роды не наступают в тот срок, о котором Мария сообщала Егору. Сама Мария объясняла это тем, что она «необыкновенная женщина!». Позднее Мария родила сына, «и это, кажется, – писал Аннаев, – разрушило ее умственные способности совершенно» [26, оп.1, д.29, л.59об].

На переписке, приложенной к воспоминаниям Аннаева, заканчивается его версия событий. Но сохранились дневниковые записи М.О. Зельцер под названием «Записки молодой женщины» (Мария Осиповна обладала очень плохим почерком, отчасти поэтому Аннаев переписывал ее письма). Интересен сюжет, повествующий о ее любви к отцу и отчасти объясняющий согласие девушки на брак с Аннаевым: «Да есть одно существо во мире, к которому я постоянно питала пламенную любовь! И уважение! И почтение! И эта особа мой отец! Я его любила без памяти, обожала до безумия! Одно его слово было для меня закон!» [26, оп.1, д.29, л.67об]. Отец ей говорил, что надо идти замуж. Мария плакала: «Папаша, я не могу расстаться с Вами!». Но отец знал, что Аннаев – преуспевающий богатый купец, торгует винами, и в разговоре с дочерью объяснял, «что может быть я поступлю к нему в виноторговцы», да и намекнул Марии, что она старшая из дочерей и все дочери «непристроены».

Из записок Марии Осиповны мы узнаем то, о чем Аннаев деликатно умалчивал в своих воспоминаниях: что он дарил ей бриллианты, дорогие материи и конфеты, «чудесное венчалное платье и отличный бархатный салоп» [26, оп.1, д.29, л.61об]. Но тут же Мария добавляет: «За бриллианты я отплатила: столько потерпела упреков! Ежедневно слышала упреки, что он меня одел с головы до ног – вот первый год моего несчастного замужества!» (в этом месте дневника опять аннаевские комментарии: «Бессовестная ложь! Первый упрек был сделан на седьмом месяце нашего супружества» [26, оп.1, д.29, л.62]). По поводу своих видений в Симбирске и по пути из Москвы Мария пишет: «Была, наверно, тифозная горячка... бредила разные разности... бредила о грузинах! Причина – трехгодичный роман с грузином... Когда встретилась с ним на балу, он не говорил по-русски» (Аннаев едко комментирует: «очень интересная любезность! Как и не влюбиться?»). «Записки молодой женщины» обрываются на описании ее любви к «грузину»: «...моей любви! Моей страсти!!! в грузинском костюме Мартын Никитович который меня любил пламенно и страстно так же как и я его, от чего я и бредила...» [26, оп.1, д.29, л.62об]. Письма М.О. Зельцер, хронологически продолжающие дневник, повествуют о путевых впечатлениях, когда она вместе с новорожденным сыном возвращалась из Москвы в Самару. Это совершенно лишённые истеричности впечатления о вокзалах, публике, поездах и пароходах...

Бывает так в некоторых семьях: какой-то едва уловимый нерв, взявшийся из ниоткуда, случайный ген, игра кровей, намешанных в роду, – рождает теплый ветерок, напев, который есть душа семьи. Листая аннаевский архив, постоянно наталкиваешься на какое-то эстетство и благородство, не свойственное «человеку из ниоткуда», «высочке» из «срединного мира», купцу самарского лютого торгова. Это изящество комментария, это красота ненужная, неутилитарная, пронизывающая все, к чему прикасался Егор Никитич и его потомки, это романтическое, рыцарское отношение к женщине, это недолюбленность извечного романтика, не умеющего свернуть женщину в витой рог, и это мещанство в конце пути, как итог несамарского проживания жизни...

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое признание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви... то я ничто и если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, - нет мне в таком никакой пользы».

(1 Кор 13, 1-3).

Библиографический список

1. *Абрамсон М.Л.* Четыре истории, рассказанные флорентийскими купцами о самих себе // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. Вып. 4. С. 275-304.
2. *Беленький И.Л.* Биография и Биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С.37-54.
3. *Бессмертный Ю.Л.* Глава 1: Проблема // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук, 2000. С.7-15.
4. *Бессмертный Ю.Л.* Вместо заключения. Глава 19: О мире чувств и внутреннем мире человека прошлого // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук, 2000. С. 571-576.
5. *Бреус Т.В.* Любовь как вид бытия: дисс. ... канд. филос. наук. Уфа, 2002. 198 с.
6. *Венедиктова Т.* Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века // Зарубежная литература второго тысячелетия, 1000-2000: Учеб. пособие / Под ред. Л. Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. С.186-220.
7. Волжское слово. 1914. № 227.
8. *Гаспаров М.Л.* Нужно бы формализовать понятие индивидуальности // Одиссей. Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С.21-22.
9. *Горький М.* Самара во всех отношениях. Письма одного странствующего рыцаря // Горький М. Собр. соч.: в 30 тт. Т. 23. Статьи 1895-1906. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. 464 с.
10. История красоты / под ред. У.Эко: перевод с итал. А.А.Сабашниковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2007. 440 с.
11. *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 403 с.
12. Классика самарского краеведения: антология. Вып. 3: Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв.: (краеведческая картотека) / под науч. ред.: П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара: Самарский ун-т, 2007. 431 с.
13. *Куприянов А.И.* «Пагубная страсть» московского купца // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1997. Т.1. С.87-106.
14. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: «Искусство – СПб», 1997. 399 с.
15. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В. Н. Данилова и П. С. Кабытова. Саратов: Наука, 2010. 354 с.
16. *Пушкарева Н.Л.* Мир чувств русской дворянки XVIII – начала XIX века: сексуальная сфера // Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук, 2000. С.85-119.
17. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
18. *Пятилетова Л.В.* Любовь как смысл и оправдание человеческой жизни: дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1999. 208 с.
19. *Репина Л.П.* Вместо предисловия: Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С.5-16.
20. *Розанов В.В.* Опавшие листья: Избранные страницы. СПб.: Амфора, 2000. 316 с.

-
21. Румянцева М.Ф. «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке / История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. С.19-36.
 22. Самарский купец Егор Никитич Аннаев: биографический очерк и список литературы / авт.-сост. Фомичева Н.П. Самара: СОУНБ, 2000. 48 с.
 23. Самарское купечество: Вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. Самара: изд-во «Самарский университет», 2006. 370 с.
 24. Современная энциклопедия Аванта+. Мода и стиль / Глав. ред. В.А. Володин. М.: Аванта+, 2002. 480 с.
 25. Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. 373 с.
 26. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-4978.
 27. Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: Изд. дом «Медуза», 1993. 463 с.